

АРТУР МОРРИСОН
МАРТИН ХЬЮИТТ,
СЫЩИК

ИДДК

Артур Джордж Моррисон Мартин Хьюитт, сыщик Серия «Ретродетектив (ИДДК)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74633476

Аннотация

"Мартин Хьюитт, сыщик" – классический сборник викторианских детективных рассказов английского писателя Артура Моррисона, впервые опубликованный в 1894 году.

У Шерлока Холмса в эпоху "золотого века" британского детектива было множество коллег по цеху, и Мартин Хьюитт – один из самых ярких и успешных среди них.

Повествование ведется от лица журналиста Бретта – близкого друга сыщика (своеобразного аналога доктора Ватсона). В книгу входят запутанные и увлекательные дела, в которых Хьюитту приходится сталкиваться с дерзкими кражами, таинственными исчезновениями и хитроумными преступлениями викторианской Англии.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ

ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ
НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ
ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

Содержание сборника рассказов № 1:

Кража в Лентон-Крофт

Исчезновение Сэмми Крокетта

Дело мистера Фоггатта

Дело о торпедо Диксона

История о квинтонских драгоценностях

Тайна камеи Стэнуэя

Дело о черепахе

Содержание

Кража в Лентон-Крофт	6
Исчезновение Сэмми Крокетта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Артур Моррисон

Мартин Хьюитт, сыщик

© ИДДК

Перевод с английского А. Алайской

Кража в Лентон-Крофт

Те, кто еще хранят в памяти громкие судебные процессы пятнадцати-двадцатилетней давности, наверняка помнят хотя бы название того необычайного дела о завещании. Дело «Бартли против Бартли и других», которое неделями занимало суд по делам о наследствах, привлекло к себе огромный общественный интерес, какого обычно удостоиваются лишь процессы в других отделениях того же суда. Само дело прославилось огромным количеством поразительных и необычных доказательств, представленных стороной истца – доказательств, которые совершенно ошеломили противников и разрушили их позицию, словно карточный домик. Многие, возможно, скорее вспомнят этот процесс как причину внезапного взлета в профессиональных кругах фирмы «Креллан, Хант и Креллан», поверенных истца. Этим успехом фирма всецело обязана поразительному умению, проявленному в этом деле, казалось бы, из ничего создать сокрушительную и неотразимую массу доказательств. Вряд ли нужно говорить, что впоследствии фирма не только удержала, но и упрочила завоеванное тогда положение, и ее имя известно всем. Однако немногие из широкой публики знают, что главная заслуга во всем этом прежде всего принадлежала молодому клерку фирмы Креллан, которому было поручено, на первый взгляд, безнадежное дело – сбор до-

казательств. Этим клерком был некий мистер Мартин Хьюитт. Он, впрочем, получил от своей фирмы и от клиента полное признание и достойное вознаграждение за свой подвиг, и более того, впоследствии не одна адвокатская контора, ведущая спорные дела, делала ему заманчивые предложения, стараясь переманить его к себе. Однако молодой человек предпочел иной путь: решил впредь работать самостоятельно, задумав превратить в постоянное занятие выполнение для частных клиентов тех же задач, которые столь блестяще решил для фирмы «Креллан, Хант и Креллан». Так возникло частное сыскное дело Мартина Хьюитта, и последующие успехи с избытком оправдали это решение.

Свою деятельность Мартин Хьюитт всегда вел с величайшей скрытностью и неизменно отказывался от помощи профессиональных ассистентов, предпочитая лично выполнять те из многочисленных поручений, с которыми мог справиться самостоятельно. Он утверждал, что никогда не проигрывал от такой политики: необходимость иногда отказывать клиентам лишь усиливала спрос на его услуги и естественным образом повышала его гонорары. В то же время никто лучше него не умел вовремя прибегнуть к помощи случайных помощников. Немало любопытства вызывала система работы мистера Хьюитта. Однако сам он неизменно утверждал, что никакой особой системы у него нет, кроме разумного использования обычных человеческих способностей. Поэтому я намерен подробно изложить несколько наиболее

интересных его дел, чтобы читатель мог сам судить, не слишком ли скромно он оценивает свои «обычные способности», которые, на мой взгляд, поистине необыкновенны.

Хьюитт не принадлежал к числу людей, легко заводящих дружбу (вероятно, по профессиональным причинам), несмотря на свою приветливость и общительность. Мое собственное знакомство с ним произошло вследствие пожара в старом доме, где располагалась его контора и где я занимал холостяцкие комнаты этажом выше. Мне удалось помочь ему спасти множество чрезвычайно важных деловых бумаг, и на время ремонта он оставил их у меня, заперев в старом стенном сейфе в одной из комнат, почти не пострадавших от огня. Завязавшееся таким образом знакомство продолжалось много лет и переросло в довольно близкую дружбу. Я даже сопровождал Хьюитта в некоторых его поездках и в меру сил помогал ему. Те же дела, свидетелем которых я не был, я изложил в повествовательной форме по его рассказам.

– Знаете, Бретт, – сказал Хьюитт однажды, – я считаю вас самым замечательным журналистом на свете. Не потому, что вы исключительно умны, между нами говоря, надеюсь, вы сами это признаете, а потому, что, зная меня и мои занятия уже много лет, вы ни разу не выдали ни одного из моих маленьких профессиональных секретов. Боюсь, вы не столь предприимчивый журналист, как некоторые, Бретт. Но раз уж вы просите – напишите что-нибудь, если сочтете это сто-

ящим.

Сказано это было в бодрой, добродушной и чуть насмешливой манере, с какой он говорил почти всегда – манере, которая могла бы удивить человека, знавшего его лишь как сурового и загадочного разоблачителя преступлений и тайн. В самом деле, Хьюитт меньше всего походил на традиционного сыщика: никто не мог казаться более приветливым и менее наблюдательным, хотя в его взгляде иногда мелькала острая искорка – быть может, всего лишь отблеск добродушного юмора. Я все же решил, что написать о делах Мартина Хьюитта стоит, и ниже следует описание одного из его приключений.

* * *

На площадке у верхней ступени темной лестницы, ведущей от постоянно открытого подъезда на улице близ Стэнда, находилась дверь с запыленным матовым стеклом. Посередине ее значилось одно слово – «Хьюитт», а в нижнем правом углу, мелкими буквами – «Кабинет клерка». Однажды утром, когда служащие контор на первом этаже едва успели снять шляпы, невысокий, хорошо одетый молодой человек в очках, поспешно распахнув эту пыльную дверь, столкнулся с другим господином, внезапно вышедшим ему навстречу.

– Прошу прощения, – сказал первый. – Это контора сыскного агентства Хьюитта?

– Да, полагаю, вы найдете ее именно здесь, – ответил другой. Это был коренастый, гладко выбритый человек среднего роста с круглым, приветливым лицом. – Вам лучше поговорить с клерком.

В небольшой приемной посетителя встретил проворный мальчишка с пальцами, испачканными чернилами, и протянул ему перо и печатный бланк. Когда тот заполнил бланк своим именем и указанием цели визита, бумагу унесли за внутреннюю дверь, и вскоре мальчик вернулся с приглашением пройти в кабинет. Там, за письменным столом, сидел тот самый коренастый человек, который только что советовал обратиться к клерку.

– Доброе утро, мистер Ллойд – мистер Вернон Ллойд, – сказал он приветливо, взглянув на бланк. – Прошу извинить мою осторожность: я должен начинать с этого с каждым посетителем. Вы от сэра Джеймса Норриса, насколько я вижу.

– Да, я его секретарь. Мне поручено просить вас как можно скорее отправиться в Лентон-Крофт по весьма важному делу. Сэр Джеймс телеграфировал бы вам, но не знал точного адреса. Сможете ли вы выехать ближайшим поездом? В одиннадцать тридцать – это первый уходящий с Паддингтона.

– Вполне возможно. Вам что-нибудь известно о деле?

– Речь идет о краже в доме сэра Джеймса, точнее, полагаю, о нескольких кражах. У гостей, проживающих в Крофте, пропадают драгоценности. Первый случай произошел

несколько месяцев назад – почти год назад, если быть точным. Прошлой ночью случилось новое происшествие. Но, думаю, лучше, если вы узнаете подробности на месте. Сэр Джеймс велел мне телеграфировать, если вы согласитесь, чтобы он мог встретить вас на станции, а мне нужно спешить – дорога туда неблизкая. Значит, вы поедете, мистер Хьюитт? Станция – Твайфорд.

– Да, поеду, поездом в 11:30. А вы сами отправляетесь этим же поездом?

– Нет, у меня в городе еще дела. Всего доброго, я сейчас же дам телеграмму.

Мартин Хьюитт запер ящик стола и велел клерку позвать экипаж.

На станции Твайфорд сэр Джеймс Норрис уже ждал с приготовленным экипажем. Это был высокий, румяный человек лет пятидесяти, известный вне своего круга как любитель местной истории, а у себя дома – как ревностный почитатель охоты и человек, немало страдающий от браконьеров. Как только они с Хьюиттом встретились, баронет поспешил усадить сыщика в экипаж.

– Нам ехать чуть больше семи миль, – сообщил он, – и по дороге я расскажу вам обо всем этом неприятном деле. Именно поэтому я приехал за вами сам и без спутников.

Хьюитт кивнул.

– Я послал за вами, как, вероятно, уже сообщил вам Ллойд, из-за кражи, произошедшей у меня вчера вечером.

Насколько я могу судить, это, по-видимому, одно из трех преступлений, совершенных одной и той же рукой – или одной и той же шайкой. Поздно вчера днем...

– Простите, сэр Джеймс, – перебил его Хьюитт, – но, думаю, мне следует попросить вас начать с первой кражи и рассказать все по порядку. Так будет яснее и позволит правильно представить себе ход событий.

– Хорошо. Около одиннадцати месяцев назад у меня гостила довольно большая компания, и среди прочих – полковник Хит и миссис Хит, которая приходилась родственницей моей покойной жене. Полковник Хит, знаете ли, недавно вышел в отставку – прежде он был политическим резидентом в одном из княжеств в Индии. У миссис Хит имелось немало драгоценностей разного рода, наиболее ценным среди которых был браслет с исключительно крупной и прекрасной жемчужиной – редчайший экземпляр, надо сказать, – подаренной махараджей того княжества среди множества других даров, когда Хит покидал Индию. Это был весьма приметный браслет: золотая оправка, казавшаяся слишком хрупкой, чтобы носить на руке, представляла собой тончайшую филигранную работу иностранных мастеров, а сама жемчужина, как я уже сказал, отличалась размерами и качеством, которые встречаются нечасто. Итак, супруги Хит прибыли поздно вечером, а на следующий день после завтрака, когда большинство мужчин разошлось по своим делам, кажется, на охоту, моя дочь, моя сестра (она часто у меня гостит) и

миссис Хит решили отправиться на прогулку – собирать папоротники и тому подобное. Сестра моя долго одевалась, и, пока они ее ждали, моя дочь зашла в комнату миссис Хит, где та, как это обычно бывает у женщин, разложила перед ней все свои драгоценности, показывая их одну за другой. Когда же сестра, наконец, была готова, они сразу ушли, предпочтя оставить вещи разбросанными по комнате, нежели задерживаться, чтобы все убрать. Браслет вместе с прочими украшениями лежал тогда на туалетном столике.

– Одну минуту. А дверь?

– Они ее заперли. Уходя, моя дочь предложила закрыть ее на ключ, так как у нас в то время появилось несколько новых слуг.

– А окно?

– Его они оставили открытым, как раз к этому я и веду. Итак, они отправились гулять и вернулись уже в сумерках, почти к самому обеду. Ллойд, которого они где-то встретили по дороге, нес их папоротники. Миссис Хит сразу же поднялась в свою комнату и... браслета там не было.

– В комнате был беспорядок?

– Нисколько. Все лежало точно так же, как и было оставлено, за исключением браслета. Дверь не трогали, а окно, как я уже сказал, было открыто.

– Вы, разумеется, вызвали полицию?

– Да, и на следующее утро прибыл человек из Скотленд-Ярда. Он оказался довольно сообразительным малым и

первым делом заметил на туалетном столике, в нескольких дюймах от места, где лежал браслет, брошенную сгоревшую спичку. Между тем никому в доме в тот день не было нужды зажигать спички в этой комнате, а уж если бы и пришлось, то, конечно, ее не бросили бы на столик. Следовательно, если предположить, что спичкой воспользовался вор, то кража была совершена в тот момент, когда в комнате начинало темнеть – фактически незадолго до возвращения миссис Хит. Вор, по-видимому, чиркнул спичкой, быстро провел ею над разложенными украшениями и взял самое ценное.

– Больше ничего не тронули?

– Ничего. Значит, вор выбрался через окно, хотя не вполне ясно, каким образом. Гулявшие подходили к дому так, что окно было у них на виду, но ничего не заметили, хотя кража, должно быть, произошла буквально за минуту-две до их возвращения. Вблизи окна не было ни водосточной трубы, ни чего-либо еще, по чему можно было бы забраться наверх, однако лестница, обычно стоявшая во дворе у конюшен, была найдена лежащей вдоль края газона. Садовник, впрочем, объяснил, что сам оставил ее там после работы еще днем.

– Разумеется, ее могли использовать и потом вернуть на место.

– Именно это и сказал сыщик из Скотленд-Ярда. Он, кстати, довольно настойчиво допрашивал садовника, но вскоре убедился, что тот ни при чем. Ни одного постороннего в окрестностях не видели, и никто не проходил через воро-

та усадьбы. К тому же, как заметил сыщик, это мало походило на дело рук чужака: посторонний едва ли мог знать, в какую именно комнату направиться, чтобы найти драгоценность, оставленную дамой, приехавшей лишь накануне, и исчезнуть незамеченным. Поэтому поочередно заподозрили всех обитателей дома. Слуги сами предложили обыскать их сундуки, что и было сделано: перевернули все вверх дном, от кладовой дворецкого до шкатулки новой кухарки. Не знаю, стал бы я заходить так далеко, будь это моя собственная потеря, но пострадала моя гостья, и положение у меня было ужасное. Впрочем, добавить, к сожалению, больше нечего. Расследование ни к чему не привело, и загадка остается неразрешенной, как и прежде. Кажется, сыщик из Скотленд-Ярда дошел до того, что начал подозревать даже меня, прежде чем окончательно сдаться, но в конце концов он все же отказался от этой идеи. Думаю, это все, что мне известно о первой краже. Все ли вам понятно?

– О, да. Вероятно, у меня появятся вопросы, когда я осмотрю место, но это может подождать. Что было дальше?

– Ну что ж, – продолжал сэр Джеймс, – следующий случай был сущим пустяком, и я, вероятно, вовсе забыл бы о нем, если бы не одно обстоятельство. Даже теперь я едва ли думаю, что это дело тех же рук. Примерно через четыре месяца после несчастья с миссис Хит – в феврале этого года – у нас гостила с неделю миссис Армитидж, молодая вдова, бывшая школьная подруга моей дочери. Девушки, знаете ли,

не слишком интересуются лондонским сезоном, а у меня нет дома в городе, так что они были рады провести с подругой время здесь, в это скучное время года. Миссис Армитидж – весьма деятельная особа, и едва пробыла в доме полчаса, как уже устроила прогулку в пони-экипаже вместе с Евой, моей дочерью, чтобы навестить старых знакомых в деревне, которых она знала еще до замужества. Девушки отправились после обеда и так увлеклись, что опоздали к ужину. У миссис Армитидж была небольшая простая золотая брошь – совсем недорогая, фунта два-три, полагаю, – которой она обычно закалывала плащ или что-нибудь в этом роде. Перед отъездом она воткнула ее в игольницу на туалетном столике, а рядом оставила кольцо – довольно ценное, насколько я понимаю.

– Это была не та же комната, где жила миссис Хит? – спросил Хьюитт.

– Нет, другая часть дома. Так вот, брошь исчезла. Очевидно, кто-то действовал в страшной спешке: когда миссис Армитидж вернулась, игольница была на месте, но с маленьким разрывом – брошь просто вырвали оттуда. Самое же странное, что кольцо, стоявшее в десять раз дороже, осталось нетронутым. Миссис Армитидж не помнила, закрывала ли она дверь, хотя, вернувшись, нашла ее запертой. Зато моя племянница, которая все время была дома, в какой-то момент попробовала отворить дверь, потому что на площадке рядом работал газовщик, и убедилась, что она заперта. Сам газовщик, человек нам тогда незнакомый, но, как оказалось,

вполне честный, готов был поклясться, что к двери никто не подходил, кроме моей племянницы, пока он ее видел – а видел он почти все время. Что касается окна, то в тот самый день порвался удерживающий его шнур, и миссис Армитидж подперла нижнюю створку щеткой, приоткрыв ее дюймов на восемь-десять. Вернувшись, она нашла все в точности так, как оставила – и створку, и щетку. Не нужно объяснять, насколько трудно было бы кому-нибудь бесшумно проникнуть в комнату через такое окно, и как невероятно, чтобы он потом восстановил все в прежнем виде.

– Понимаю. Вы уверены, что брошь действительно пропала? Не могла ли миссис Армитидж просто ее потерять?

– Нет, это исключено! Поиски были самые тщательные.

– Тогда скажите: легко ли было проникнуть через окно?

– В общем, да, пожалуй. Это окно первого этажа, оно выходит на крышу и стеклянный купол бильярдной. Я сам пристроил бильярдную – вывел ее из курительной как раз в этом углу. С крыши бильярдной к окну добраться нетрудно. Но, с другой стороны, это невозможно: в бильярдной все время кто-нибудь находился, и пройти по крыше (почти целиком застекленной), не будучи замеченным и услышанным, было нельзя. Я и сам провел там пару часов, упражняясь.

– Понятно. И что же было предпринято?

– Конечно, слуг тщательно допросили, но безрезультатно. Случай был столь незначительный, что миссис Армитидж и слышать не хотела о полиции, хотя я был почти уверен, что

где-то среди прислуги есть нечестный человек. Слуга, знаете ли, мог бы украсть простую брошь, но побоялся бы взять дорогое кольцо, исчезновение которого вызвало бы куда больший шум.

– Возможно, – заметил Хьюитт, – если речь идет о неопытном воре, который к тому же действовал поспешно и хватал первое попавшееся. Но я сомневаюсь. Что же заставило вас связать эти два случая?

– Ничто. Случившись с промежутком в несколько месяцев, они казались совершенно разными. Но чуть больше месяца назад я встретил миссис Армитидж в Брайтоне, и мы, между прочим, заговорили о первой краже – о браслете миссис Хит. Я довольно подробно описал обстоятельства, и, когда упомянул о спичке, найденной на столе, она воскликнула: «Как странно! Ведь и мой вор оставил спичку на туалетном столике, когда украл мою несчастную брошь!».

Хьюитт кивнул.

– Хм, – сказал он. – Разумеется, сгоревшую спичку?

– Да, конечно. Миссис Армитидж заметила ее рядом с игольницей, но просто выбросила, не придав этому значения. Однако мне показалось довольно странным, что в обоих случаях зажженную спичку бросили на столик почти в том же месте, откуда исчезла вещь. Я рассказал об этом Ллойд, когда вернулся, и он согласился, что это может иметь значение.

– Вряд ли, – покачал головой Хьюитт. – Пока это еще

нельзя назвать существенной уликой, хотя отметить стоит. В темноте все пользуются спичками.

– Как бы то ни было, совпадение показалось мне достаточно любопытным, чтобы описать брошь полиции – на случай, если ее заложат. С браслетом они, конечно, уже пробовали это сделать, и безрезультатно, однако я подумал, что стоит попытаться: вдруг это выведет нас на след более серьезной кражи.

– Совершенно верно. Вы поступили правильно. И что же?

– Они ее нашли. Какая-то женщина заложила брошь в Лондоне, в лавке в Челси. Но это произошло уже довольно давно, и ростовщик совершенно не запомнил ее внешности. Имя и адрес, которые она назвала, оказались ложными. Так что на этом все и кончилось.

– Не уходил ли кто-нибудь из слуг между исчезновением броши и датой заклада?

– Нет.

– Все ли слуги были дома в тот день, когда брошь заложили?

– Да, это я проверил лично.

– Отлично. Что дальше?

– А вот вчера произошла еще одна кража, именно которая и заставила меня послать за вами. Во вторник к нам приехала сестра моей покойной жены, и мы отвели ей ту самую комнату, где миссис Хит лишилась своего браслета. У гостыи была старомодная брошь с миниатюрным портретом

ее отца, украшенная тремя превосходными бриллиантами и несколькими мелкими камнями. Впрочем, мы уже подъехали к Крофту – остальное я расскажу в доме.

Хьюитт положил ладонь на руку баронета.

– Не останавливайтесь, сэр Джеймс, – сказал он. – Проедем еще немного. Мне хотелось бы составить общее представление обо всем деле, прежде чем мы войдем.

– Хорошо! – сэр Джеймс снова направил лошадь вперед. – Итак, вчера под вечер, когда моя свояченица переодевалась, она на минуту вышла из своей комнаты, чтобы поговорить с Евой – их комнаты почти рядом. Ее не было минуты три, самое большее пять, но, вернувшись, она обнаружила, что брошь, оставленная на столе, исчезла. Окно было плотно закрыто и не тронуто. Дверь, конечно, была открыта, но и дверь моей дочери тоже, и всякий, кто проходил бы мимо, был бы услышан. Но самое странное обстоятельство – такое, что я уже начинаю сомневаться, не мерещится ли мне все это, – заключалось в том, что на том самом месте, где лежала брошь, почти точно в той же точке, оказалась сгоревшая спичка... И это в светлое время суток!

Хьюитт потер нос и задумчиво посмотрел вперед.

– Хм... действительно странно. Еще что-нибудь?

– Ничего, кроме того, что вы увидите сами. Я велел запереть комнату и поставить за ней наблюдение, пока вы ее не осмотрите. Моя свояченица слышала о вас и предложила пригласить, так что, разумеется, я сделал, как она хотела. То,

что именно эта брошь пропала у меня в доме, крайне неприятно: понимаете, после смерти их матери между моей покойной женой и ее сестрой из-за этого украшения возникли некоторые разногласия. Это почти хуже, чем история с браслетом миссис Хит, и, уверяю вас, я совсем не доволен происходящим. Подумайте только, в каком я положении! Три дамы за один год, одна за другой, ограблены в моем доме таким таинственным образом, а я не могу найти вора! Это ужасно! Люди начнут бояться приезжать ко мне. А я бессилен!

– Что ж, посмотрим. Пожалуй, теперь можно повернуть назад. Кстати, вы не собирались что-нибудь перестраивать или переделывать в доме?

– Нет. Почему вы спрашиваете?

– Я думаю, вам стоило бы, по крайней мере, обдумать, скажем, покраску и отделку... или постройку нового каретного сарая – что-нибудь в этом роде. Дело в том, что мне хотелось бы выступить перед слугами в роли архитектора, или, если угодно, подрядчика, приехавшего осмотреть дом. Вы ведь не рассказывали им об этом деле?

– Ни слова. Никто не знает, кроме моих родственников и Ллойда. Я сам сразу принял все меры предосторожности. Что же до вашей небольшой маскировки – пожалуйста, изображайте архитектора и поступайте, как сочтете нужным. Если вам только удастся найти этого вора и положить конец этому ужасному положению вещей, вы окажете мне величайшую услугу, о какой я когда-либо просил. Что касается ва-

шего гонорара – я с готовностью заплачу все, что обычно принято, да еще триста сверх того.

Мартин Хьюитт поклонился.

– Вы очень щедры, сэр Джеймс, и можете быть уверены, что я сделаю все возможное. Для профессионала, разумеется, хороший гонорар всегда подогревает интерес, хотя ваше дело и само по себе достаточно любопытно.

– Поразительно, не правда ли? Подумайте только: три человека, все – дамы, все – в моем доме, причем две даже в одной и той же комнате, и каждая поочередно лишается украшения, причем каждый раз с туалетного столика, и всякий раз остается сгоревшая спичка. Все происходит при таких обстоятельствах, которые для вора можно назвать едва ли не невозможными – и все же нет ни малейшей зацепки!

– Не будем говорить этого слишком поспешно, сэр Джеймс. Посмотрим. И, кроме того, нам следует остерегаться соблазна рассматривать все кражи как одно целое. Вот мы и снова у ворот. Это, кажется, ваш садовник – тот самый, что оставил лестницу у газона в первый раз, о котором вы рассказывали?

Хьюитт кивнул в сторону человека, подстригавшего бордюр из самшита.

– Да. Хотите его о чем-нибудь спросить?

– Нет, нет – по крайней мере, не сейчас. Помните о строительных работах. Думаю, если нет возражений, я сначала осмотрю комнату той дамы – миссис... – Хьюитт вопро-

тельно взглянул вверх.

– Моей свояченицы? Миссис Казенов. О да, конечно! Мы сейчас же пойдем к ней.

– Благодарю. И, полагаю, миссис Казенов лучше присутствовать.

Они вышли из экипажа, и мальчик из сторожки увел лошадь с двуколкой.

Миссис Казенов оказалась худощавой, поблекшей, но живой и энергичной дамой средних лет. Услышав имя Мартина Хьюитта, она слегка наклонила голову и сказала:

– Благодарю вас, мистер Хьюитт, за столь быстрое прибытие. Разумеется, я буду глубоко признательна за любую помощь в поиске того, кто похитил мою вещь – кем бы он ни оказался. Моя комната готова к осмотру.

Это помещение находилось на втором этаже, который был верхним в этом крыле. В нем можно было заметить легкий беспорядок – кое-где были разбросаны мелкие предметы одежды.

– Насколько я понимаю... Все осталось в том же виде, в каком было в момент обнаружения пропажи? – спросил Хьюитт.

– Совершенно верно, – ответила миссис Казенов. – Я переселилась в другую комнату и терплю некоторые неудобства, лишь бы ничего здесь не нарушать.

Хьюитт остановился перед туалетным столиком.

– Значит, это и есть та самая спичка, – заметил он, – ле-

жащая именно там, где ее нашли?

– Да.

– А где находилась брошь?

– Почти в этом самом месте. Во всяком случае, не дальше, чем на несколько дюймов.

Хьюитт внимательно осмотрел спичку.

– Она горела совсем немного. Похоже, почти сразу погасла. Вы не слышали, как ее зажигали?

– Ничего не слышала – совершенно ничего.

– Если вы на минуту пройдете в комнату мисс Норрис, – предложил Хьюитт, – мы проведем небольшой опыт. Скажите, слышите ли вы, как чиркают спичками, и сколько раз. Где у вас коробка?

Подставка для спичек оказалась пустой, но в комнате мисс Норрис нашлись спички, и опыт был проведен. Каждый щелчок был отчетливо слышен, даже если одна из дверей была почти закрыта.

– Итак, обе двери – ваша и мисс Норрис – были открыты, окно закрыто и заперто изнутри, как сейчас, и ничего, кроме броши, не было тронута?

– Да, все именно так.

– Благодарю вас, миссис Казенов. Думаю, пока больше не стану вас беспокоить. Полагаю, сэр Джеймс, – добавил Хьюитт, обращившись к баронету, стоявшему у двери, – мы теперь осмотрим другую комнату и пройдемся вокруг дома. Кстати, насколько я понимаю, невозможно получить те спич-

ки, которые были найдены в первых двух случаях?

– Нет, – ответил сэр Джеймс. – Во всяком случае, не здесь. Сыщик из Скотленд-Ярда, возможно, сохранил свою.

Комната, которую занимала миссис Армитидж, не представляла ничего особенного. В нескольких футах под окном виднелась крыша бильярдной, почти целиком застекленная. Хьюитт бегло осмотрел стены, удостоверился, что мебель и драпировки с момента второй кражи существенно не изменились, и выразил желание осмотреть окна снаружи. Однако перед этим он захотел узнать имена всех лиц, которые, как было известно, находились в доме во время всех трех краж.

– Постарайтесь припомнить, сэр Джеймс, – сказал сыщик. – Начнем, к примеру, с вас. Где вы находились в эти моменты?

– Когда миссис Хит лишилась браслета, я весь день провел в Тэгли-Вуде. Когда обокрали миссис Армитидж, я, кажется, большую часть времени был где-то поблизости. А вчера был на ферме. – Лицо сэра Джеймса расплылось в улыбке. – Не знаю, сочтете ли вы это подозрительным, – добавил он и рассмеялся.

– Вовсе нет. Я спрашиваю лишь для того, чтобы, вспоминая собственные передвижения, вы могли лучше припомнить, где находились остальные. Был ли, насколько вам известно, хоть кто-нибудь в доме во всех трех случаях?

– Ну, знаете, за всех слуг поручиться невозможно. Это можно установить только прямым опросом – я таких вещей

не запоминаю. Что касается семьи и гостей... вы же не подозреваете кого-нибудь из них?

– Я не подозреваю ни одной души, сэр Джеймс, – ответил Хьюитт с добродушной улыбкой, – ни одной. Но я не могу никого подозревать, пока не знаю, где кто находился. Возможно, и без того найдется достаточно независимых улик, но вы должны помочь мне, если можете. Что касается гостей – был ли кто-нибудь из них здесь во всех случаях? Или хотя бы в первом и последнем?

– Нет, ни одного. И моя собственная сестра, если вам будет приятно это знать, присутствовала только во время первой кражи.

– Понятно. А ваша дочь, как я понял, каждый раз отсутствовала – более того, находилась вместе с пострадавшими. А ваша племянница?

– Послушайте, мистер Хьюитт, я не могу говорить о своей племяннице как о подозреваемой преступнице! Бедная девушка под моей опекой, и я не могу позволить...

Хьюитт поднял руку и примирительно покачал головой.

– Дорогой сэр, разве я не сказал, что не подозреваю ни одной души? Просто постарайтесь как можно точнее вспомнить, кто где находился. Позвольте... ведь это, кажется, ваша племянница проверяла, что дверь миссис Армитидж – вот эта самая – была заперта в день, когда исчезла брошь?

– Да, именно она.

– Совершенно верно. И именно тогда, когда сама миссис

Армитидж уже не помнила, запирала ли дверь. А вчера – ваша племянница была дома?

– Думаю, была. Вообще она редко выходит – здоровье у нее обычно слабое. И во время кражи у миссис Хит она тоже находилась дома, раз уж вы спрашиваете. Но послушайте, мне это не нравится. Нелепо предполагать, что она может иметь к этому какое-то отношение.

– Я этого и не предполагаю, как уже сказал. Я лишь собираю сведения – и только. Это, насколько я понимаю, вся ваша семья, проживающая здесь постоянно. О передвижениях остальных вы ничего не знаете – разве что о мистере Ллоиде?

– Ллойд? Ну, вы же сами знаете, что во время первой кражи он был с дамами на прогулке. А в другие разы... не помню. Вчера он, вероятно, сидел у себя, писал. Думаю, это его оправдывает, так?

Сэр Джеймс испытующе посмотрел на приветливое, круглое лицо сыщика, который улыбнулся и ответил:

– Ну, разумеется, никто не может находиться в двух местах одновременно – иначе что стало бы с алиби как институтом? Но, как я уже сказал, я лишь привожу факты в порядок. Теперь, видите ли, остается прислуга, если только мы не имеем дела с посторонним. Не пройти ли нам снаружи?

Лентон-Крофт представлял собой большое, беспорядочно разросшееся здание, нигде не выше трех этажей, а большей частью – всего двух. Его достраивали по частям, так что, по выражению сэра Джеймса, оно «извивалось по участ-

ку, как цепочка домино». Хьюитт внимательно осматривал внешний вид дома, пока они обходили его, и некоторое время задержался у окон двух спален, которые только что осматривал изнутри. Затем они подошли к конюшням и каретному сараю, где конюх мыл колеса двуколки.

– Вы не возражаете, если я закурю? – спросил Хьюитт. – Может быть, и вы возьмете сигару – они не так уж плохи. Я попрошу у вашего человека огня.

Сэр Джеймс уже потянулся за своей коробкой спичек, но Хьюитт успел уйти и зажег сигару от спички, которую ему подал конюх. Рядом с сараем бегал проворный маленький терьер, и Хьюитт наклонился, чтобы погладить его. Затем он сделал какое-то замечание о собаке, заинтересовавшее конюха, и вскоре увлекся разговором с ним. Сэр Джеймс, ожидая поодаль, нетерпеливо постукивал ногой по камням и, наконец, отошел. Добрых четверть часа Хьюитт беседовал с конюхом, и когда наконец догнал сэра Джеймса, тот уже направлялся обратно к дому.

– Прошу прощения, сэр Джеймс, – сказал Хьюитт, – что оставил вас столь бесцеремонно, разговаривая с вашим конюхом, но, знаете, хорошая собака может увлечь меня куда угодно.

– Вот как, – коротко ответил сэр Джеймс.

– Есть еще один момент, – продолжал Хьюитт, не обращая внимания на его сухость, – который мне хотелось бы выяснить. Под окном комнаты, где вчера находилась миссис Ка-

зенов, есть два окна – по одному на каждом этаже. Каким помещениям они принадлежат?

– То, что на первом этаже, – утренняя гостиная, другое – комната мистера Ллойда, моего секретаря. Что-то вроде кабинета.

– Тогда вы сразу поймете, сэр Джеймс, – продолжал Хьюитт с неизменной добродушной настойчивостью, – что, если в случае с миссис Хит использовалась лестница, любой, находившийся в одной из этих комнат, непременно бы ее заметил.

– Конечно! Человек из Скотленд-Ярда всех об этом спрашивал, но, по-видимому, в этих комнатах тогда никого не было – во всяком случае, никто ничего не видел.

– Тем не менее я хотел бы сам выглянуть из этих окон хотя бы для того, чтобы понять, что можно было увидеть, а что нет.

Сэр Джеймс провел его в утреннюю гостиную. У двери им навстречу вышла молодая женщина с книгой в руках, двигавшаяся вяло и устало. Хьюитт отступил, давая ей пройти, а затем спросил:

– Это мисс Норрис, ваша дочь, сэр Джеймс?

– Нет, моя племянница. Хотите ее о чем-нибудь спросить? Дора, дорогая, – добавил он, догоняя ее в коридоре, – это мистер Хьюитт, который расследует для меня эти неприятные кражи. Думаю, ему хотелось бы узнать, не заметила ли ты чего-нибудь необычного в те дни.

Дама слегка поклонилась и уныло протянула руку:

– Я? Право, ничего не помню... совершенно ничего.

– Вы, кажется, обнаружили дверь миссис Армитидж запертой, – спросил Хьюитт, – проверяя ее в тот день, когда пропала брошь?

– О да... кажется, дверь была заперта. Да, была.

– Ключ был в замке?

– Ключ? Нет... думаю, нет.

– Не припоминаете ли вы чего-нибудь необычного, чего угодно, даже самого пустякового, в день, когда миссис Хит потеряла браслет?

– Нет, право, ничего... совсем не помню.

– И вчера тоже?

– Нет... ничего не помню.

– Благодарю вас, – поспешно сказал Хьюитт. – Благодарю. А теперь – утренняя гостиная, сэр Джеймс.

В утренней гостиной он задержался лишь на несколько секунд, бегло взглянув в окна. В комнате этажом выше сыщик пробыл немного дольше. Это было уютное помещение, хотя обстановка в нем носила несколько изнеженный характер: на мебели лежали куски драпированного шелка, камин украшали японские веера, у окна стояла клетка с серым попугаем, а письменный стол был заставлен вазами с цветами.

– Ллойд устроился весьма удобно, а? – заметил сэр Джеймс. – Но вряд ли кто-нибудь мог бы оказаться здесь в его отсутствие, когда пропал тот браслет.

– Да... вряд ли, – задумчиво ответил Хьюитт.

Он некоторое время смотрел в окно, затем, все еще погруженный в свои мысли, постучал по прутьям клетки зубочисткой и поиграл с попугаем. Потом снова взглянул в окно и сказал:

– Это, кажется, мистер Ллойд возвращается на экипаже?

– Да, думаю, он. Хотите ли вы еще что-нибудь здесь осмотреть?

– Нет, благодарю, думаю, больше ничего.

Они спустились в курительную, и сэр Джеймс ушел поговорить со своим секретарем. Вернувшись, он услышал от Хьюитта:

– Думаю, сэр Джеймс... думаю, я смогу вскоре назвать вам вашего вора.

– Что? У вас есть зацепка? Кого вы подозреваете? Я уже начал думать, что вы зашли в тупик.

– Да, у меня есть весьма неплохая зацепка, хотя пока я не могу многого сказать. Но она настолько убедительна, что я хотел бы знать: намерены ли вы привлечь виновного к суду, когда он будет найден?

– Господи, конечно! – с удивлением ответил сэр Джеймс. – Это ведь не только мое дело – речь идет о собственности моих друзей. И даже если бы они захотели замять это, я бы не позволил – не мог бы, после того как их обокрали в моем доме.

– Разумеется, разумеется. Тогда, если можно, я хотел бы

отправить сообщение в Твайффорд с кем-нибудь абсолютно надежным – не со слугой. Есть ли такой человек?

– Ну, есть Ллойд, хотя он только что вернулся. Но если это важно, он поедет.

– Это важно. Нам необходимо, чтобы к вечеру здесь были полицейские – один или два, лучше два. И я хотел бы, чтобы мистер Ллойд привез их, не посвящая в это никого.

Сэр Джеймс позвонил, и вскоре появился Ллойд. Пока баронет давал ему распоряжения, Хьюитт вышел к двери курительной и перехватил секретаря.

– Простите, что доставляю вам это беспокойство, мистер Ллойд, – сказал он, – но мне нужно остаться здесь, а кто-то надежный должен поехать. Не могли бы вы привезти с собой полицейского, вернее, двух, так будет лучше? Больше ничего не требуется. Вы ведь не станете сообщать об этом слугам? Разумеется, в полицейском участке Твайфорда есть женщина для обыска? Ах да, конечно. Впрочем, ее привозить не нужно – такие вещи делаются на месте.

И, ведя этот доверительный разговор, Мартин Хьюитт проводил мистера Ллойда. Вернувшись в курительную, он услышал, как сэр Джеймс вдруг воскликнул:

– Боже мой, мистер Хьюитт, мы ведь вас даже не накормили! Ужасно неловко. Мы вернулись слишком поздно к обеду, и все это дело так меня выбило из колеи, что я обо всем забыл. До ужина еще далеко – он в семь, – так что давайте я сейчас что-нибудь вам предложу. Право, мне очень неловко.

Пойдемте.

– Благодарю вас, сэр Джеймс, – ответил Хьюитт, – много мне не нужно. Несколько бисквитов, пожалуй, или что-нибудь в этом роде. И, кстати, если вы не возражаете, я бы предпочел поесть один. Мне хотелось бы спокойно обдумать все это дело. Можете выделить мне комнату?

– Любую. Куда вы хотите? Столовая великовата, но есть мой кабинет, довольно уютный, или...

– Пожалуй, я бы на полчаса устроился в комнате мистера Ллойда. Думаю, он не будет против, и там довольно удобно.

– Конечно, если хотите. Я распоряжусь, чтобы вам туда принесли все необходимое.

– Большое спасибо. И, кстати, пусть принесут еще кусочек сахара и грецкий орех – это... это у меня такая маленькая причуда.

– Что? Кусочек сахара и орех? – сэр Джеймс на мгновение остановился, держа руку на шнуре звонка. – Ну, конечно, если вам угодно... – добавил он, с удивлением глядя вслед сыщику со странными вкусами.

Когда экипаж с вернувшимся секретарем и полицейским подъехал к дому, Мартин Хьюитт вышел из комнаты на первом этаже и направился вниз. На площадке он встретил сэра Джеймса Норриса и миссис Казенов, которые с изумлением увидели, что сыщик несет в руках клетку с попугаем.

– Думаю, наше дело близится к развязке, – заметил Хьюитт на лестнице. – Вот и полицейские из Твайфорда.

Они стояли в холле рядом с мистером Ллойдом, который, увидев клетку в руках Хьюитта, вдруг сильно побледнел.

– Полагаю, именно этого человека следует обвинить, – продолжал Хьюитт, обращаясь к полицейским и указывая на секретаря.

– Что? Ллойд? – в ужасе воскликнул сэр Джеймс. – Нет, только не Ллойд – это нелепо!

– Похоже, он сам не считает это нелепостью, не так ли? – спокойно заметил Хьюитт.

Ллойд опустился в кресло, лицо его стало пепельно-серым, и он слепо уставился на человека, с которым утром столкнулся у двери конторы. Его губы судорожно шевелились, но звука не было. Увядавший цветок выпал из его петлицы на пол, но он даже не пошевелился.

– А это его сообщник, – продолжал Хьюитт, ставя клетку с попугаем на стол в холле, – хотя сомневаюсь, что его удастся привлечь к ответственности. Не так ли, Полли?

Попугай наклонил голову и тихо захихикал:

– Алло, Полли! Иди сюда!

Сэр Джеймс был совершенно ошеломлен.

– Ллойд... Ллойд... – пробормотал он. – Ллойд – и это!

– Это был его маленький посланец, – объяснил Хьюитт, довольно постукивая по клетке, – собственно говоря, исполнитель краж. Поддержите его!

Последние слова относились к несчастному Ллойд, который обмяк, издав нечто среднее между рыданием и тяжелым

вздохом. Полицейские подхватили его под руки и усадили в кресло.

* * *

– Система? – сказал Хьюитт, пожав плечами, спустя час-другой в кабинете сэра Джеймса. – Не могу сказать, что у меня есть какая-то система. Я называю это всего лишь здравым смыслом и острым зрением. Пользуясь ими, невозможно было не пойти по правильному пути в этом деле. Я начал со спички, как и сыщик из Скотленд-Ярда, но у меня было преимущество – я рассматривал сразу три случая. Прежде всего было ясно, что спичка, найденная при дневном свете в комнате миссис Казенов, не могла служить для освещения столика при ярком-то свете из окна. Следовательно, ее использовали с иной целью, хотя в тот момент я не мог сразу определить, с какой именно. У опытных воров, знаете ли, бывают странные суеверия: некоторые никогда не берут ничего, не оставив что-нибудь взамен – камешек, кусочек угля или что-нибудь в этом роде. Сначала мне показалось весьма вероятным, что это как раз такой случай. Спичка явно была принесена с собой, потому что, когда я попросил спички, их в подставке не оказалось – даже пустой коробки – и в комнате ничего не трогали. Кроме того, спичку, по-видимому, зажигали не здесь: никто ничего не слышал, хотя, конечно, нельзя было полностью это исключить. Следовательно, мож-

но было предположить, что спичку зажгли в другом месте и тут же погасили — я тогда же заметил, что она обгорела совсем немного. Очевидно, это было сделано не без причины, и единственное возможное объяснение — желание предотвратить случайное возгорание. Отсюда стало ясно, что спичка использовалась вовсе не как спичка, а как нечто другое. Пока все шло логично. Но при внимательном осмотре я заметил на ней, как вы можете убедиться сами, несколько довольно четких вмятин. Они очень малы и заметны только при пристальном рассмотрении, но они есть, и расположены симметрично. Видите: по две с каждой стороны, каждая напротив соответствующей с другой стороны. Похоже, спичку сжимал какой-то довольно острый инструмент, удерживая ее в четырех точках — сверху и снизу, инструмент, который сразу наводит на мысль о птичьем клюве. Тут и возникла идея. Какое живое существо, кроме птицы, могло проникнуть в окно миссис Хит без лестницы, если предположить, что лестницы не было? Или попасть в комнату миссис Армитидж, не поднимая створку выше тех восьми-десяти дюймов, на которые она уже была открыта? Очевидно, никакое. Кроме того, показательно, что каждый раз похищался только один предмет, хотя рядом лежали и другие. Человек мог бы унести сколько угодно, а птица — лишь один. Но зачем птице нести спичку в клюве? Очевидно, ее специально обучили этому с определенной целью, и при некотором размышлении цель становилась ясной. Шумная, болтливая птица могла бы сразу выдать

себя. Значит, ее нужно было научить молчать, как во время «работы», так и при возвращении с добычей. А что может быть проще и надежнее, чем, обучая ее переносить предмет, одновременно приучить держать клюв занятым? Одно условие автоматически обеспечивает другое. Сначала я подумал, конечно, о галке или сороке – их склонность к воровству хорошо известна. Но следы на спичке были слишком широкими для их клюва. Тогда я предположил, что это ворон. Поэтому, когда мы подошли к конюшне, я воспользовался случаем поболтать с вашим конюхом о собаках и домашних питомцах вообще и выяснил, что ручного ворона здесь нет. Заодно, прикуривая от коробки спичек в сарае, я убедился, что найденная спичка – обычная для дома: крупная, толстая английская спичка с красной головкой. Но я также узнал, что у мистера Ллойда есть попугай – очень умная птица, притом приученная к относительной молчаливости (насколько это возможно для попугая). Кроме того, конюх не раз встречал Ллойда, когда тот носил попугая под пальто: птица, как объяснял хозяин, научилась открывать клетку и улетать. Я, разумеется, ничего вам не сказал, поскольку пока имел лишь цепь рассуждений, а не доказательства. Я постарался как можно скорее попасть в комнату Ллойда. Главная моя цель там была достигнута, когда я поиграл с попугаем и заставил его укусить зубочистку. Покинув вас в курительной, я внимательно сравнил эту зубочистку со спичкой и убедился, что следы совпадают в точности. После этого со-

мнений почти не осталось. То, что Ллойд встречал дам перед сумерками в день первой кражи, ничего не доказывало: раз спичка не служила для освещения, кража могла быть совершена и при дневном свете – более того, так и должно было быть, если мои предположения верны. А я в этом уже не сомневался. Иного объяснения не существовало. Когда миссис Хит оставила окно открытым, а дверь запертой, достаточно было встать на подоконник окна Ллойда и посадить птицу на верхний карниз. Спичка, вложенная ей в клюв и заранее зажженная, неизбежно падала именно там, где птица хватала добычу – потому-то в каждом случае ее находили почти на том самом месте, где лежало украшение. Маловероятное совпадение, если бы при этом действовал человек. Эту схему можно было проделать сразу после ухода дам, а затем у Ллойда оставалось достаточно времени, чтобы поспешить и встретить их до темноты – тем более на обратном пути, когда они несли папоротники. Спичка была выбрана удачно: предмет не слишком подозрительный на туалетном столике и способный сбить с толку опытного сыщика. В случае с миссис Армитидж то, что взяли дешевую брошь и оставили дорогое кольцо, ясно указывало либо на глупца, либо на неспособность различать ценность, а из прочего следовало, что вор вовсе не был глуп. Дверь была заперта, газовщик, так сказать, стоял на страже, окно открыто всего на несколько дюймов и подперто щеткой. Человек, пролезая туда, нарушил бы это положение и вряд ли стал бы восстанавливать

его, особенно действуя в такой спешке, что сорвал брошь, не расстегивая булавку. Птица же могла проскользнуть в проем как есть и, вероятно, разорвала игольницу, удерживая ее лапой. Вчера же условия изменились: окно было закрыто и заперто, но дверь – открыта, пусть и на короткое время. Не могли вор уже находиться в комнате, скрываясь, пока миссис Казенов была там, и воспользоваться ее кратким отсутствием? В комнате много драпировок и укромных мест, где птица могла спрятаться, а затем бесшумно вылететь. Необычность способа не имела значения: столь уникальные кражи и должны совершаться уникальным образом. Ничего невероятного в этом нет – достаточно вспомнить, какие поразительные трюки с птицами ежедневно показывают на улицах Лондона. Таким образом, в целом я был почти уверен в своей догадке. Но, прежде чем действовать, решил проверить, нельзя ли уговорить Полли продемонстрировать свои умения. Для этого я и постарался снова отослать Ллойда и получить возможность провести с птицей некоторое время наедине. Кусочек сахара, как известно, – хорошая приманка для попугая, но половинка грецкого ореха еще лучше, особенно если птица к нему привыкла, потому-то я и попросил вас принести и то и другое. Сначала Полли был осторожен, но я обычно легко нахожу общий язык с животными, и вскоре он устроил для меня целое представление: брал спичку, молча, как рыба, вспрыгивал на стол, в спешке хватал самый блестящий предмет, бросал спичку и убегал, правда, сначала

не хотел отдавать добычу. Этого было достаточно. Я также позволил себе осмотреться и обнаружил ту самую коллекцию дешевых колец и безделушек – очевидно, служившую для обучения Полли. Отправляя Ллойда, я решил, что он может принести пользу, и поручил ему съездить за полицией, введя его, признаюсь, в заблуждение разговорами о слугах и женщине для обыска. С доказательствами проблем не будет – он сознается, в этом я уверен. Я знаю этот тип людей. Но вот брошь миссис Казенов, боюсь, вам не вернуть: он сегодня был в Лондоне, и к этому часу добыча, вероятно, уже распродана.

Сэр Джеймс слушал объяснения Хьюитта, время от времени выражая согласие и удивление. Когда тот закончил, он сделал несколько затяжек и сказал:

– Но брошь миссис Армитидж была заложена – и к тому же женщиной.

– Именно. Думаю, наш приятель Ллойд был разочарован малой ценностью добычи и, вероятно, отдал брошь какой-нибудь своей знакомой в Лондоне, а та заложила ее. Люди такого рода не всегда утруждают себя указанием настоящего адреса.

Они некоторое время молча курили, затем Хьюитт продолжил:

– Не думаю, что Ллойд было легко с этой птицей. Успехов у него было всего три, и, уверен, за ними стояли многочисленные неудачи и немало тревожных моментов, о кото-

рых мы ничего не знаем. Уже одно то, что конюх часто видел его с попугаем, говорит об этом. Но сам план был вовсе не плох – совсем не плох. Даже если бы птицу поймали на месте, все свелось бы к: «Ах, этот проказник-попугай!» – и хозяин был бы совсем ни при чем.

Исчезновение Сэмми Крокетта

Разумеется, частью ремесла Мартина Хьюитта было умение чувствовать себя как дома в любом окружении и среди людей какого угодно круга, а также способность проявлять искренний – или, по крайней мере, кажущийся таковым – интерес к их занятиям. В одном из самых важных дел, когда-либо попадавших к Мартину, он едва ли продвинулся бы далеко, если бы не продемонстрировал осведомленность в довольно специфичных деталях одного профессионального спорта и не проявил живого интереса к делам некоего человека, имевшего к этому непосредственное отношение. Само это громкое дело никак не было связано со спортом и, по правде говоря, с точки зрения сюжета было довольно скучным. Однако единственный человек, владевший нужной информацией о нем, был хранителем, покровителем или даже «шефом» спортсменов, занимающихся профессиональной ходьбой, и именно через его финансовую заинтересованность в этом деле Хьюитту удалось заключить с ним сделку. Этот человек держал трактир на окраине Пэдфилда – северного городка, жители которого были довольно известны своей любовью к спорту. Туда и направился Хьюитт. Облечившись так, чтобы выглядеть человеком, не чуждым спортивных увлечений, он начал регулярно заглядывать в бар «Заяц и Гончие».

Кентиш, хозяин заведения, коренастый человек с толстой шеей, был сперва не слишком разговорчив. Однако вскоре, познакомившись с Хьюиттом поближе, он заметно оживился, оказался весьма веселым (и довольно неглупым) собеседником и принялся рассказывать бесчисленные истории о своих спортивных приключениях. В «Зайце и Гончих» он умел подавать вполне достойный обед, и частые приглашения Хьюитта разделить с ним трапезу и распить бутылку лучшего вина из погреба быстро сблизили их. Добиться расположения мистера Кентиша было главной целью Хьюитта, ибо нужные ему сведения нельзя было выудить случайными расспросами – их можно было получить лишь через откровенность самого трактирщика.

– Слушай-ка, – сказал однажды Кентиш, – я хочу предложить тебе хорошую идею, мой мальчик, по-настоящему хорошую идею. Ты, конечно, знаешь про забег на сто тридцать пять ярдов в Пэдфилде, что сейчас проходит?

– Я не слишком вникал, – ответил Хьюитт. – Первый круг забегов был в субботу и понедельник, верно?

– Верно. Так вот... – Кентиш наклонился и, постучав по столу, зашептал: – У меня есть на примете победитель финала. – Он кивнул, затянулся сигарой и уже обычным голосом добавил: – Только ни слова.

– Само собой. Ставка, значит, уже сделана?

– Еще как! Любой коэффициент можно было взять. У него фора двадцать один ярд, а он всю дистанцию идет вро-

вень со временем! Факт! Да он хоть задом наперед пробежит – все равно выиграет. Свой забег в понедельник взял вот так! – Кентиш щелкнул пальцами. – Правда, мог бы и помедленнее – слишком уж уверенно выиграл, цену сбил. Но и сейчас можно сделать неплохие ставки, если с умом подойти. Послушай меня: поставь на него в следующем круге в субботу и на финал. Если сейчас поставишь на финал – возьмешь хороший коэффициент. Только не болтай об этом, ладно? Я тебе даю совет, которого никому больше не дал бы.

– Большое спасибо, это очень любезно с вашей стороны. Так и поступлю. Но нет ли где-нибудь «темной лошадки»?

– Для меня нет, друг, нет. Я каждого бегуна знаю как свои пять пальцев. Старик Тейлор, что у «Копа», выставил хорошего парня с форой восемнадцать ярдов – очень хорошего, и в этот раз он, я знаю, постарается. Но мой мог бы дать ему десять ярдов, а не брать три, и все равно обойти! Когда я выпускаю серьезного бегуна, это почти всегда победитель – можешь поверить. А на этот раз, запомни мои слова, это самый верный победитель из всех, что у меня были. Я редко ошибаюсь. Ставь на него.

– Поставлю, если вы так уверены. А как его зовут?

– Крокетт. Сэмми Крокетт. Парень новый. За ним приглядывает молодой Стеггис – глаз с него не спускает. Тренируется у меня за домом, на гаревой дорожке, за деревьями. Я его почти из виду не выпускаю. Парень честный и понимает, что ему выгодно держаться со мной, но найдутся такие,

что его отравят, если подумают, что он им ставки испортит.

Вскоре они направились в общий зал.

– Думаю, Сэмми там, со Стегглсом, – сказал хозяин. – Я его не слишком прячу, а то подумают, что у меня что-то совсем уж особенное.

В зале сидел худощавый юноша с узкими плечами и вытянутым лицом, а рядом с ним – невысокий плотный человек, в котором при любых его действиях чувствовалась странная смесь собственнической опеки и постоянного надзора. Несколько других посетителей громко смеялись, и это явно раздражало юношу.

– Ничего у тебя не выйдет, Сэмми, – говорил кто-то, – с Нэнси Уэбб – она на тебя и не взглянет.

– Не любит она таких щепок, – добавил другой. – Нет, Сэмми, ты не ее парень...

– Это что еще за разговоры о Нэнси Уэбб? – спросил Кен-тиш, распахивая дверь. – С Сэмми все в порядке. Поддерживай форму, мой мальчик, и продолжай совершенствоваться, и когда-нибудь у тебя будет такой же хороший дом, как у меня. А девицы – это пустое. Пиво свое выпил? – Он обратился к Рэгги Стегглсу, который утвердительно кивнул.

– Два стакана легкого пива в день, – пояснил хозяин Хьюитту. – Не толстеет, так что может себе позволить. Пойдемте.

Он кивнул Стегглсу, и тот поднялся, уводя Сэмми Крокетта на тренировку.

На следующий день после обеда (это был четверг), когда

Хьюитт и Кентиш беседовали в уютной комнатке самого хозяина, туда ворвался Стеггс в крайнем возбуждении и, задышавшись, выпалил:

– Он... он удрал! Сбежал!

– Что?

– Сэмми – исчез! Смылся! Я не могу его найти.

Хозяин в изумлении уставился на тренера, который стоял с болтающимся в руке свитером и столь же ошеломленно глядел в ответ.

– Что ты хочешь сказать? – наконец произнес Кентиш. – Не валяй дурака! Он где-то здесь. Найди его!

Но Стеггс уверял, что это невозможно. Он уже все обыскал. Он оставил Крокетта на дорожке за деревьями в беговой экипировке, длинном пальто и кепке, которые тот надевал, переходя от дома к трассе, чтобы не простудиться.

– Я собирался дать ему пару стартов с пистолета, – объяснял Стеггс, – но как только мы вышли, он говорит: «Рэгги, что-то холодновато. Принеси-ка мне свитер. Он у меня в ящике, хорошо?».

Ну, я пошел за свитером – а его на месте нет. Пока нашел, пока вернулся – мальчишки уже и след простыл. В доме его не видели, и нигде его нет.

Хьюитт и хозяин, теперь уже всерьез встревоженные, обыскали все вокруг, но безуспешно.

– С чего бы ему удирать отсюда? – спросил Кентиш, покрываясь потом от тревоги. – Да и не холодно вовсе – тепло.

Ему и свитер не нужен был, он его никогда не носил. Это просто уловка, чтобы смыться. Вот тебе и дело! Я ведь на нем рассчитываю выиграть выручку за два года. Слышишь – его надо найти!

– Да как же? – воскликнул сбитый с толку тренер, мечась в отчаянии. – Я сам на него все поставил, что смог наскрести. Где его искать?

Вот тут и настал момент Хьюитта. Он отвел Кентиша в сторону и что-то прошептал ему. Слова его заметно поразили хозяина.

– Ладно, я все тебе расскажу, если тебе это так нужно, – кивнул тот. – Мне ни жарко, ни холодно от того, скажу я или нет. Но ты сможешь его найти?

– Обещать не могу, разумеется. Но теперь вы знаете, кто я и зачем здесь. Если дадите мне нужные сведения, я возьмусь за дело – и, конечно, без всякого вознаграждения. Может, повезет... но обещать не берусь.

Хозяин несколько мгновений пристально смотрел ему в лицо, затем сказал:

– По рукам! Договорились.

– Отлично, – кивнул Хьюитт. – Соберите те бумаги, что у вас есть, и вечером мы займемся этим делом. Что касается Крокетта – никому ни слова. Боюсь, слухи все равно разойдутся, раз уж в доме все знают, но не стоит поднимать лишнего шума. Не делайте никаких ставок на стороне и вообще ничего, что может привлечь внимание. А теперь пойдемте

посмотрим на эту вашу беговую трассу.

Тут у Стеггlsa, все еще стоявшего поблизости, появилась идея.

– А как насчет старого Тейлора, из «Копа», хозяин? – сказал он многозначительно. – Его парень и без Сэмми может выиграть, а Тейлор на него ставит всю. Может, он что-то знает?

– Вполне возможно, – заметил Хьюитт, опередив Кентиша. – Слушайте: пусть Стегглс сходит и последит за «Копом» час-другой – вдруг удастся что-нибудь узнать. Только не показывайся на глаза.

Кентиш согласился, и тренер ушел. Когда Хьюитт и Кентиш подошли к дорожке за деревьями, детектив сразу же начал осматривать землю. Пара довольно глубоких ямок в ее покрытии, как объяснил хозяин, была оставлена Крокеттом во время тренировок старта. Позади них виднелись свежие следы шипованных туфель. Следы вели почти к самому высокому забору, ограждавшему участок, – и там внезапно обрывались. На заборе, немного правее того места, где исчезли следы, находилась прочная дверь. Хьюитт попробовал толкнуть ее и обнаружил, что она приоткрыта.

– Она всегда заперта, – поразился Кентиш. – Он вышел этим путем – иначе ему пришлось бы проходить через дом.

– Но он ведь не привык делать шаги длиной в три ярда? – заметил Хьюитт, указывая на последний отпечаток и затем на дверь, находившуюся примерно на таком расстоянии. – К

тому же, — добавил он, открывая дверь, — здесь нет ни одного следа — ни внутри, ни снаружи.

Дверь выходила в узкий переулок, а по другую сторону тянулся еще один забор и густо посаженные деревья. Кентиш посмотрел на следы, затем на дверь, потом прошелся вниз по переулку и, наконец, в сторону дома.

— Вот это номер! — пробормотал он.

— Дорога здесь тихая, — заметил Хьюитт. — Ни одного дома поблизости. Куда она ведет?

— В ту сторону — к старым кирпичным печам, давно заброшенным. А туда — к повороту на дорогу из Пэдфилда в Каттон.

Хьюитт вернулся к беговой трассе и снова принялся изучать следы. Он проследил их назад по траве, к дому.

— Совершенно ясно, — сказал сыщик, — что назад в дом он не возвращался. Вот двойная линия следов — рядом: обычные ботинки Стеггlsa с железными набойками и беговые туфли Крокетта — так они вышли. А вот следы одного Стеггlsa в обратную сторону — когда он пошел за свитером. Крокетт остался. Видите, здесь в рыхлой земле множество отпечатков. Он переминался с ноги на ногу, затем сделал два-три шага к забору — не прямо к двери, заметьте — и... здесь следы обрываются. Больше их нет — ни вперед, ни назад. Если бы у него были крылья, я бы решил, что он просто улетел отсюда, или что земля его проглотила и снова сомкнулась, не оставив ни следа.

Кентиш мрачно смотрел на дорожку и молчал.

– Впрочем, – продолжил Хьюитт, – я, пожалуй, немного пройду и все обдумаю. А вы возвращайтесь в дом и покажитесь в баре. Если кто спросит о Крокетте – скажите, что он в порядке. Кстати, можно ли по этой дороге добраться до «Копа», заведения Тейлора?

– Да. Дойдете до конца, где она выходит к дороге на Каттон, повернете налево, потом первый поворот направо – там и будет «Коп». Любой покажет.

Кентиш закрыл за сыщиком дверь, а тот направился... К старым печам. Менее чем через час он вернулся. Уже начало смеркаться, и хозяин разбирал бумаги у окна в своей уютной комнатке.

– Я собрал для вас документы, – сказал он, когда Хьюитт вошел. – Есть новости?

– Ничего особенно важного. Вот только несколько обрывков бумаги. Попробуйте узнать почерк, если сможете. Зажгите свет.

Кентиш зажег лампу, и Хьюитт выложил на стол несколько маленьких клочков бумаги, которые, очевидно, были обрывками разорванного письма.

Трактирщик недоверчиво перевернул их.

– По этим обрывкам мало что узнаешь. Почерк мне незнаком. Где вы их нашли?

– Они лежали на дороге за домом, чуть поодаль. Судя по всему, это части записки, адресованной кому-то по имени

Сэмми или почти так. Видите этот клочок с «...мми»? Это явно начало письма: над строкой ровный край бумаги, без следа предыдущей строки, и после слова ничего не идет. Кто-то пишет Крокетту – я полагаю, именно ему, по ряду причин – и называет его Сэмми. Жаль, что сохранилось так мало. Думаю, тот, кто порвал письмо, убрал остальное в карман, а эти клочки обронил случайно.

Кентиш, перебирая обрывки, вдруг с горечью воскликнул: – Все ясно – он нас продал! Сбежал и надул! А ведь я его из грязи вытащил... смотрите: «брось их» – яснее некуда! Значит, брось меня и моих людей – меня, после всего, что я для него сделал! А тут – «сейчас же»... значит, уходи немедленно, как он и сделал. А вот – погодите... – трактирщик сложил два клочка вместе, – смотрите: здесь слово «дорога», и оно подходит к этому месту... а тут «бедн...» – «бедный дурак», наверное. Это про меня, что ли? Или «болван»... вот уж спасибо! Да я бы ему шею свернул, попадись он мне – и сверну!

Хьюитт улыбнулся.

– Возможно, все не так уж оскорбительно, как вам кажется, – заметил он. – Если вы не узнаете почерк – ничего страшного. Но если Сэмми действительно сбежал, чтобы вас предать, есть ли смысл его искать? Он ведь не станет выигрывать, если сам этого не хочет.

– Да он бы не посмел подвести меня у меня же под носом! Я бы... Я бы...

– Ну-ну. Возможно, мы все-таки заставим его бежать – и бежать как следует. Одно ясно: мальчишка покинул это место по собственной воле. Более того, думаю, сейчас он в Пэд-филде – по всей вероятности, направился туда. И, по-моему, он вовсе не собирается вас предавать.

– И не должен! Я сделал все, чтобы ему было выгодно держаться со мной. Я поставил на него пятьдесят из своего кармана и сказал ему об этом. Если Сэмми выиграет – получит куда больше, чем смог бы выручить, пойдя на махинацию, не считая призовых и того, что я бы ему добавил. А выходит, он меня просто подставляет.

– Это еще посмотрим. А пока – никому не говорите того, что я вам сообщил, даже Стегглсу. Он нам не поможет, а может случайно проговориться. И об этих клочках бумаги – ни слова: я их оставлю у себя. Кстати, Стегглс сейчас в доме? Отлично – пусть остается. Не давайте ему сегодня бегать по округе с поисками. Я переночую здесь, а утром мы продолжим заниматься делом Крокетта. А теперь – давайте разберемся с моим вопросом.

Утром Хьюитт завтракал в уютной комнате хозяина, внимательно прислушиваясь к разговорам в баре. Вскоре после девяти у входа остановилась легкая двуколка, и в трактир вошел краснолицый, громкоголосый человек, шумно поздоровавшийся с Кентишем. Они выпили вместе, и гость спросил:

– Ну как дела? Присмотрел кого-нибудь на спринт? У тебя ведь свой парень участвует, а?

– Да, есть один, – ответил Кентиш. – Крокетт. Молодой еще, до своей настоящей формы не дорос. Думаю, на этот раз первый номер у старого Тейлора.

– Отличный парень, – сказал гость, многозначительно кивнув. – Нисколько не удивлюсь. Сам будешь ставить?

– Нет, пожалуй, нет. Сейчас я вне игры. Может, для забавы, совсем чуть-чуть – и все.

После еще нескольких незначительных реплик краснолицый уехал.

– Кто это был? – спросил Хьюитт, наблюдавший за ним из окна.

– Дэнби, букмекер. Хитрая бестия. Готов спорить, что ему уже донесли, что Крокетт исчез, вот он и явился меня прощупать. Да не вышло. Я уже устроил так, что часть ставок, связанных с Крокеттом, записана у него в учете – примерно на половину всей суммы. Причем сделал это не напрямую, а через посредников.

Хьюитт потянулся за шляпой.

– Я выйду на полчаса. Если Стеггс захочет уйти до моего возвращения – не пускайте. Пусть лучше аккуратно сровняет все следы на гаревой дорожке. И еще: нельзя ли, чтобы ваш сын сегодня был поблизости? Может понадобится небольшая помощь.

– Конечно, скажу ему остаться. А зачем нужно разравнивать дорожку?

Хьюитт улыбнулся и похлопал хозяина по плечу.

– Объясню все свои приемы, когда дело будет сделано, – сказал сыщик и вышел.

На дороге между Пэдфилдом и деревней Седби стояла пивная «Плуг», где некий Дж. Уэбб имел лицензию на продажу пива – как на месте, так и на вынос, по желанию жаждущих. На зов плотного пожилого господина в очках, опирающегося на трость, к стойке вышла Нэнси Уэбб – румяная девушка с кудрявой челкой и широкой улыбкой, обнажавшей прекрасные зубы. Господин выпил кружку горького пива и затем тихим голосом, характерным для человека, который сам плохо слышит, сказал:

– Не подскажете ли, как выйти на главную дорогу в Каттон?

– По переулку вниз, на перекрестке направо, потом первый поворот налево.

Старик несколько секунд держал руку у уха, словно прислушиваясь, а затем снова заговорил своим шепотом:

– Боюсь, я сегодня очень плохо слышу. Не могли бы вы записать? Я временами так глух...

Девушка записала указания, и старик, поблагодарив, ушел.

Он медленно шел по переулку, опираясь на трость. Дойдя до перекрестка, остановился, убрал трость под мышку, сунул очки в карман, и зашагал уже обычной походкой Мартина Хьюитта. Достав записную книжку, он внимательно изучил написанное мисс Уэбб – и направился вовсе не туда, куда она

указала, а обратно к «Зайцу и Гончим».

Кентиш мрачно прохаживался за стойкой.

– Ну что, мой друг, – сказал Хьюитт, – Стеггс уже стер следы?

– Пока нет, я ему не говорил. Но он где-то поблизости – сейчас скажу.

– Нет, не надо. Думаю, это уже не потребуется. Он, вероятно, скоро захочет выйти – пусть идет, когда пожелает. Я посижу наверху, в клубной комнате.

– Хорошо. Но откуда вы знаете, что Стеггс соберется выходить?

– Он ведь места себе не находит после исчезновения своего подопечного. Вряд ли долго усидит без дела.

– А что насчет Крокетта? Вы отказываетесь от поисков?

– Ни в коем случае. Не спешите. Не могу сказать, что полностью уверен – времени мало, – но к вечеру, думаю, у меня для вас будут новости.

Хьюитт просидел в клубной комнате до полудня, там же пообедал. Наконец он увидел из окна, как Рэгги Стеггс идет по дороге. В тот же миг сыщик спустился вниз и вышел вслед за ним. Дорога через ярдов восемьдесят поворачивала, и, как только Стеггс скрылся из виду, Хьюитт ускорил шаг. Он следовал за тренером через весь Пэдфилд и дальше, не теряя его из виду. В конце концов Стеггс остановился на углу и передал записку мальчишке, игравшему неподалеку. Тот побежал с ней к аккуратному дому напротив. Хьюитт заметил

вывеску на калитке: «Х. Дэнби, подрядчик». Через пять минут в боковой калитке показалась голова и плечи того самого краснолицего человека. Стегглс тут же поспешил к нему и исчез во дворе.

Это было и любопытно, и поучительно.

Хьюитт занял позицию на боковой улице и стал ждать. Через десять минут Стегглс вышел и поспешил обратно. Тогда Хьюитт неторопливо подошел к дому и внимательно его осмотрел. В углу небольшого палисадника стоял застекленный щит, обитый зеленым сукном. На нем значилось: «Х. Дэнби. Дома на продажу и в аренду». Однако внутри висело лишь одно старое, запыленное объявление о сдаче трех лавок, пригодных для любого дела и готовых к переделке под нужды арендатора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.